

Научная статья

УДК 141.3

doi: 10.17223/22220836/46/4

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАРДИОГНОЗИС РУССКОГО НАРОДА КАК ОСНОВА БОГАТЫРСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Светлана Владимировна Капустина

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
Kapustina_S_V@mail.ru*

Аннотация. В статье реконструируется окказиональная суть аксиологически значимых для Ф.М. Достоевского категорий «кардиогнозис» и «богатырство», которые рассматриваются в каузальной связке. На материале публицистических статей и малой художественной прозы «Дневника писателя» демонстрируется, что «сердечная» вера русского народа – источник и основа его богатырства – служения Богу в широком смысле.

Ключевые слова: Достоевский, Православие, кардиогнозис, сердце, богатырство

Для цитирования: Капустина С.В. Православный кардиогнозис русского народа как основа богатырства (на материале «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 44–52. doi: 10.17223/22220836/46/4

Original article

ORTHODOX CARDIOGNOSIS OF THE RUSSIAN PEOPLE AS THE BASIS OF HEROISM (BOGATIRSTVO) (BASED ON THE “DIARY OF A WRITER” BY F.M. DOSTOEVSKY)

Svetlana V. Kapustina

*Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russian Federation,
Kapustina_S_V@mail.ru*

Abstract. The term “cardiognosis” is a neologism at the turn of the XX–XXI centuries. F.M. Dostoevsky used in the “Diary of a Writer” and in the Great Pentateuch its Russian counterpart – “heart knowledge”. The chronologically explainable absence in the heritage of the classic of the lexeme under study, based on the addition of Latin roots, does not at all contradict the fact that F.M. Dostoevsky made an invaluable contribution to the intellectual tradition of studying cardiognosis that has developed in Russia. The creator of the “Diary of a Writer” invariably correlated this category with folk Orthodoxy. He saw the “heart knowledge of Christ” as the most effective and infallible way of attaining God. Dostoevsky developed such a perception as a result of his deep immersion in the context of the Bible and patristic literature.

The writer was convinced that the cardiagnostically conditioned faith of the Russian people is a guarantee of their special – world-unifying – destiny in the future. Nevertheless, he did not idealize popular types, noting their susceptibility to temporary obsession. However, this feature, according to F.M. Dostoevsky, does not exclude the openness of the heroic path to every Russian Vlas.

In the “Diary of a Writer”, the occasional semantic content of the category “heroism” (“bogatirstvo”) is especially expressively explicated. It is understood not as an indication of a military ethos, but as a service to God in a broad sense. The basis and inspiration of heroism

(bogatirstvo), according to F.M. Dostoevsky, is precisely cardiognosis. The writer is sure: a heart that “contains God” can transform into a “better person” even one who has sinned, but who repented in time. On the pages of the “Diary of a Writer” F.M. Dostoevsky not only defines the “best people” of the past of Russia (“Tikhon, Monomakh, Ilya...”), but also admires their followers from the 19th century. He considers those contemporaries who are ready to sacrifice themselves for the protection of brothers in Christ (General Chernyaev, Sophia Lurie, Foma Danilovich Lotaryov) as the incarnators of spiritual heroism (bogatirstvo).

Dostoevsky's causal comprehension of the categories “cardiognosis” and “heroism” (“bogatirstvo”) showed a significant trait of the Russian national character, demonstrated the writer's faith in the saving mission of the God-bearing people.

Keywords: Dostoevsky, Orthodoxy, cardiognosis, heart, heroism (bogatirstvo)

For citation: Kapustina, S.V. (2022) Orthodox cardiognosis of the russian people as the basis of heroism (bogatirstvo) (based on the “Diary of a writer” by F.M. Dostoevsky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 46. pp. 44–52. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/46/4

«Кардиогнозис» – терминологическая новация рубежа XX–XXI вв. Обращение же к сути обозначенного неологизма значительно предвосхитило его появление в теоретическом арсенале гуманитаристики и способствовало образованию интеллектуальной традиции, которую В.И. Шамшурин справедливо охарактеризовал как «значимую <...> для всех <...> русских мыслителей» [1. С. 153]. Сердце как главный «орган восприятия Бога» (цит. по: [2. С. 275]) описывался в трудах адептов «внутреннего делания» (Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский и др.). Заветы великих молитвенников и духовных учителей всея Руси о необходимости христианского обращения к Небу и Вечности не столько разумом, сколько сердцем особо актуализировались в XIX столетии среди русских сторонников православного подхода к гносеологии. Сердечное постижение Христа далеким от классической теологии народом стало объектом пристального внимания славянофилов, видевших в этом самобытном способе богопознания одну из констант, которые формируют русский национальный характер (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и др.). На значимости кардиогностически обусловленной народной веры для идентичности и всечеловеческого предназначения России настаивал Ф.М. Достоевский, относящий себя к приверженцам того славянофильского ответвления, которое ратует за «духовный союз всех верующих в то, что великая <...> Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» [3. Т. 25. С. 195]. В «Дневнике писателя» им убедительно доказывалось, что «новое слово», которое суждено возвестить России, одухотворено Словом Творца, чутко расслышанным сердцем русского народа.

Один из приоритетных для моножурнала Ф.М. Достоевского вопрос о кардиогностичности народной веры разнопланово рассматривался литературоведами и философами: аксиоматически его суть излагалась в свете русской идеи, патриотических нарративов классика [4, 5]; предметно изучалась в соположении с писательским осмыслением мифологемы «сердце» в свете святоотеческой традиции [2, 6]. Реконструкция же смыслового ядра феномена «богатырство», эксплицированного в наследии Ф.М. Достоевского, привела исследователей советского и постмиллениального времени к кардинально отличным результатам. Так, В.Я. Кирпотин предложил оригинальную кон-

цепцию антитетичного восприятия писателем «беспорядка» и «богатырства», которое идейно сближает его с Н.В. Гоголем и проявляет «заочный» диалог обоих очевидцев «эпохи хаоса и разложения», призывавших соотечественников к богатырскому противостоянию тотальной деструкции [7]. Категории «беспорядок» и «богатырство» советский ученый рассматривал сквозь призму заидеологизированности, т.е. исключительно как явления социального порядка. К героям-богатырям, мастерски выведенным Ф.М. Достоевским, В.Я. Кирпотин относил не духовных колоссов, а политических реформаторов, адептов революционных течений. Перспективные наработки выдающегося литературоведа были адаптированы нами к той фундаментальной для Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского максиме религиозного сознания, которой было принято пренебрегать в советское время, – «Божественное / бесовское». Результатом такого подхода стало выявление сопряженного с народной этимологией онтологического смысла оппозиции «беспорядок–богатырство» у Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, базирующейся на противостоянии «бесовского порядка» «силе от Бога» (см.: [8, 9]). Правомерность выдвинутой нами гипотезы подтверждают современные разыскания В.В. Борисовой, расшифровывающей национальный и Православный «код» фабулы богатырского противоборства в этнопоэтике русской классической литературы [10]; П.Л. Чуйкова, соотносящего идеал богатырства у Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского с поставленной Священным Писанием проблемой человека как «образа и подобия Божия» [11], и др.

Отсутствием в общегуманитарном научном дискурсе работ, утверждающих причинно-следственный характер взаимодействия двух базисных для аксиологии Ф.М. Достоевского единиц «кардиоогнозис» и «богатырство», определяется актуальность предпринятого исследования.

Цель статьи – анализ национально маркированных категорий «кардиоогнозис» и «богатырство», воплощенных создателем «Дневника писателя» в каузальном ракурсе.

Ф.М. Достоевский на личном опыте убедился в кардиогностически почерпнутой животворящей силе, свойственной научно не просвещенному, но духовно просветленному русскому простонародью. Именно от него писатель-каторжанин «...принял вновь в <...> душу Христа, Которого узнал в родительском доме еще ребенком и Которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в „европейского либерала“» [3. Т. 26. С. 152]. Эта же сила народа, в целом характеризующегося Ф.М. Достоевским как богатырь, спасает и всю Россию в кризисные и переломные для нее периоды.

В осмыслении Ф.М. Достоевского богатыри – это воины, благословленные Господом на служение Высшей Правде и братьям-единоверцам; «лучшие люди», имеющие сердечную предрасположенность вступать в битву как с врагом внешним, жаждущим порабощения России, так и с врагом внутренним, посягающим на душу русского человека. Писатель расширяет границы узувального понятия «богатырство»: для него это не просто название воинского этоса и синоним смелости, храбрости, отваги, а духовная броня, ниспосланная свыше каждому искренне верующему, вне зависимости от его физического сложения и рода занятий. Ф.М. Достоевский справедливо отмечает, что богоносную мощь русские богатыри демонстрируют на поле брани и за монастырскими стенами, в привычных тесных углах и в странствиях по родной

земле; их облачение – не обязательно сверкающие стальные латы или благородная военная форма, но и неприметная ряса, грубое рубище или скромный костюм, едва ли претендующий на светскость. Нередко истинный духовный богатырь, по Ф.М. Достоевскому, создает впечатление слабого, субтильного, немощного либо же темного, жесткого и даже развратного, однако за такой внешностью скрывается великое сердце – истинная обитель Бога.

Принципиально важный источник, оказавший неоспоримое влияние на глубину и неординарность осмысления Ф.М. Достоевским взаимообусловленных категорий «кардиогнозис» и «богатырство», – идеи Посланий апостола Павла. «Христос вселяется верою в сердца наша» (Еф. 3:17) – новозаветная истина от Первоверховного апостола, заложившая азы кардиогностической концепции как «Дневника писателя», так и Великого Пятикнижия Ф.М. Достоевского. «Сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12:9) – завет из «Второго послания к Коринфянам Святого апостола Павла», воспринятый классиком как указание на превалирование сердечно аккумулируемой духовной силы над физическими данными истинного богатыря.

Убежденность Ф.М. Достоевского в народно-кардиогностической природе богатырства проявляется в разных контекстах. К таковым можно отнести, например, оригинальную интерпретацию писателем концепции былины, которая, по его мнению, отражает не только «все мировоззрение народа» [3. Т. 26. С. 116], но и соприкосновение с «красотою высшей, красотою идеала» [Там же. Т. 24. С. 198] (подробнее см.: [12]). Приведенный тезис о трансцендентной составляющей былинного эпоса, констатация в нем элементов высшей модальности поясняются последующим утверждением Ф.М. Достоевского: «Там есть удивительные типы Ильи Муромца и фантастического Святогора и проч.» [Там же]. Если «фантастичность» старшего богатыря, которого не может удержать Мать-сыра Земля, очевидна, то «удивительность» младшего, думается, в том, что на своем земном пути он подвизался двум типам Христова служения – сначала воинскому, затем монашескому, т.е. «соединил» собою, во-первых, Православие «сердечное» (как идеал народный) и догматическое (как Преподобный Илия Муромец, Печерский); во-вторых, жанры былины и жития.

В этом контексте важно учесть замечания Ф.М. Достоевского, которые, с одной стороны, утверждают кардиогностический путь Высшей Истины к «русскому земству», а с другой – якобы ставят под сомнение преобладание у него этого типа богопостижения: «Народ развратен, но у него религия, там идеалы и начертание. Не зная догматов, он знает (в большинстве) святых своих жития» [Там же. С. 191]. Более того: «...народ наш любит рассказывать и всеславное и великое житие своего великого, целомудренного и смиренного христианского богатыря Ильи Муромца, подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревзойдающегося, верного и сердцем чистого» [Там же. Т. 25. С. 69]. Закономерен вопрос: «Согласуется ли в народе интуитивное богоприятие с церковной просвещенностью, проявляющейся в пересказе житийной литературы?». Ответ на него лишь отчасти утвердителен, поскольку к повествованию о деяниях святых деревенских рассказчиков побуждает не чтение агиографических текстов, а импульс сердца, наполненного любовью ко Христу и Его угодникам. Приведенный аргумент созвучен следующим строкам «Дневника писателя» за июль–август

1876 г.: «...Эти рассказы (из Четьи-Минеи. – *Примеч. К. С.*) передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах и в рассказах про святые места заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное» [3. Т. 25. С. 215].

Категории «кардионозис» и «богатырство» неизменно репрезентируются в «Дневнике писателя» как причина и следствие самоспасительной силы русского народа, стойкости и неизбежности его характера. При этом Ф.М. Достоевский не идеализирует народные типы. Изображенный им русский мужик «...знает все то, что именно нужно знать, хотя не выдержит экзамена из катехизиса» [Там же. Т. 26. С. 150]; обладая сердечным «знанием», он тем не менее подвержен стихийной порочности и беззаветному кутежу. Однако разгул «без удержу», по мнению классика, обязательно приводит безобразника к осознанию собственной греховности, жажде ревностного покаяния, масштабы которых детерминированы кардиогностически.

Эта специфическая черта национального характера составляет фабульную основу «повести из народного быта» «Влас», в которой Ф.М. Достоевский емко обозначает суть кардионозиса и обосновывает его константность в системе ценностей русского народа: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит Его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит Образ Его по-своему, т.е. до страдания. <...> Повторю, можно очень много знать бессознательно» [Там же. Т. 21. С. 33].

Отмеченное Ф.М. Достоевским бессознательное чувство Христа останавливает наваждение русского Власа, уберегает его от рокового выстрела в святое причастие, за которым последовал бы духовный крах бунтующего героя. В финале деревенской истории Ф.М. Достоевский не единожды апеллирует именно к сердцу несостоявшегося стрелка, указывая, что одно оно есть источник спасения и преображения для каждого Власа: «Суд прогремел из его сердца конечно. Почему прогремел не сознательно, не внезапным проявлением ума и совести, почему проявился в образе, как бы совершенно внешним, независимым от его духа фактом? В этом огромная психологическая задача и дело Господа. Для него, для преступника, без сомнения было делом Господним. Влас пошел по миру и потребовал страдания» [41].

Мгновениями одолевающие русского человека «потребность отрицания» [3. Т. 21. С. 35] и желание «заглянуть в самую бездну» [Там же] соотносятся Ф.М. Достоевским с безудержным богатырским кутежом: «Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил» [Там же. С. 41]. Однако писатель убежден, что бесчинства героя «из простых» носят временный характер и исход им содеянного не приведет к трагедии: «...в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силой обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие» [Там же].

Примечательно, что положительные прогнозы Ф.М. Достоевского о духовном пробуждении буйствующего богатыря и возвращении его к служе-

нию Истине часто остаются не расслышанными. Иллюстративна в этом плане трактовка В.К. Кантором пророческих строк «Власа». Соглашаясь с докладом Б.П. Вышеславцева «Русский национальный характер», исследователь обнаруживает в былинном эпосе «прямое предсказание русской революции, разгула русской стихии, русского бунта» [13. С. 56] и проводит, как ему кажется, неоспоримую параллель между «дерзновенными поступками», изображенными в былинах «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» (стрельба богатыря по церковным маковкам) и главе «Влас» Ф.М. Достоевского (попытка выстрела деревенского мужика в причастие), с революционным безудержем.

Популярный былинный сюжет о том, как Илья Муромец сшибает стрелами золоченые маковки церквей, часто ошибочно приводится в качестве доказательства его язычества. Убедительное же разъяснение этого на первый взгляд «нехристианского поступка» дано Высокопреосвященнейшим Иоанном (Снычевым), митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Владыка Иоанн считает, что Илья Муромец юродствует, а «юродивые, обличая лицемерие и фарисейство современников, часто совершали на глазах у людей поступки оскорбительные, выходящие за рамки приличия. Этим они пытались пробудить у своих осуетившихся сограждан ревность о Боге, о защите „оскорбляемых“ православных святынь, о подвижнической, благочестивой жизни» [14. С. 40].

В подготовительных тетрадах к «Дневнику...» 1876 г. Ф.М. Достоевский записывает несколько слов, которые, думается, проясняют поступки и деревенского мужика, готовящегося выстрелить в святое причастие, и Ильи Муромца, сбивающего маковки церквей: «Выгодой не возьмешь, надо богослужение. Стрелял для эффекта» [3. Т. 24. С. 168]. Приведенное замечание уточняется автором: «Без богослужения нельзя, я богослужение в самом широком смысле» [Там же]. Напомним, что Илья Муромец юродствует «для эффекта» после ссоры с Владимиром, т.е. после своеобразного выхода из княжеской службы; нацеливая ружье на причастие, крестьянин также дерзнул «для эффекта» временно отойти от своей веры. Спасение для обоих, по мнению Ф.М. Достоевского, есть возвращение к *богослужению* в широком смысле, т.е., *службе Богу* в различных ее проявлениях. Так, богослужением Ильи становится воинское дело и последующая монашеская стезя, а богослужением деревенского мужика – обращение к старцу с искренним покаянием и посвящение дальнейшей жизни вновь озарившейся «самой главной святыне сердца» [Там же. Т. 21. С. 35].

Объединяя духовных богатырей прошлого антропологемой «лучшие люди»¹, Ф.М. Достоевский на страницах «Дневника...» пытается проиллюстри-

¹ Эта категория, как указывает Г.Я. Галаган, впервые привлекла внимание Ф.М. Достоевского в 1873 г., «в период его сотрудничества в „Гражданине“, на страницах которого понятие „лучшие люди“ имело тогда достаточно интенсивную жизнь» [15. С. 99], однако наиболее акцентированно она эксплицировалась в «Дневнике писателя» 1876 г. в контексте Восточного вопроса. К «лучшим людям» писатель относит «Тихона, Мономаха, Илью...» [3. Т. 24. С. 153]. Святорусского богатыря Ф.М. Достоевский еще не раз охарактеризует как «лучшего человека»: «Без лучших людей земля не стоит. Чины – пали. Дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека – пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный)» [Там же. С. 269]. Подробное пояснение антропологемы «лучший человек» Ф.М. Достоевский планировал представить в одной из статей о Восточном вопросе, основанной на «инсталляции» былинного сюжета «Илья Муромец и Идолище в Царьграде» (см.: [16]).

ровать ее и современными ему именами. Писатель, утверждающий, что «...лучшие люди явятся сами собою и не из одних военных» [З. Т. 24. С. 168] и отрицательно отвечающий на вопрос «Разве одни военные ратуют, отстаивая отечество?» [Там же], относит к богатырям своей эпохи всех «сознателей правды народной» [Там же. Т. 24. С. 78], чье богослужение в широком смысле проявилось в защите братьев во Христе. Среди таковых в «Дневнике писателя» отмечены: генерал Черняев, в предпочтении которого «пожертвовать всем – и судьбой, и славой своей, и карьерой, может быть, даже жизнью, но не оставить дела» [Там же. Т. 23. С. 151]; Софья Лурье, в спасении раненых проявившая «каждо жертвы, подвига, доброго дела» [Там же. С. 52]. В этом ряду Ф.М. Достоевский особенно выделяет «неприметного русского человека» [Там же. Т. 25. С. 15], плененного воина, Фому Данилова, принявшего мученическую смерть, но не отречься от Православия.

Фому Даниловича Лотарёва¹ писатель назвал богатырской «эмблемой России, всей нашей народной России, подлинным образом ее» [Там же. С. 14], ведь герой из народа продемонстрировал ту «способность проявления величайшей воли ради подвига великодушия» [Там же], которая составляет глубинную основу русского характера. Унтер-офицер Туркестанского батальона, поразивший даже иноверцев-мучителей масштабами духовной силы, отказавшийся от помилования и материальных благ за принятие магометанства и сознательно предпочетший вероотступничеству смерть, – «всечелое изображение народа русского» [Там же], искони сложившего идеал бескорыстного, самоотверженного и укрепленного во Христе богатырства.

Современник Ф.М. Достоевского и последователь Ильи Муромца Фома Данилов также был отмечен благодарными потомками-единоверцами, желающими засвидетельствовать его святость. Пророчество писателя о том, что подвиг Фомы-воина в народе не забудется, сбылось на рубеже тысячелетий при непредумышленном «участии» самого же Ф.М. Достоевского. Л.А. Артамонова отмечает по этому поводу: «...вопрос о канонизации Фомы Данилова остается неразрешенным», хотя в «Самарской Духовной семинарии находится портрет-икона Фомы-воина, написанный самарским иконописцем Николаем Мостовых», а «первый проректор Самарской Духовной семинарии игумен Вениамин (Лабутин) и иерей Игорь (Соловьев), опираясь на документальные материалы, а также на главу „Дневника писателя“, составили „Службу мученику Фоме-воину, иже в Маргелане пострадавшему“ и „Житие мученика Фомы“» [18. С. 237].

Подвиги Преподобного Ильи Муромца, местночтимого в родном крае Фомы-воина и других богатырей («лучших людей»), по Ф.М. Достоевскому, совершались исключительно по велению чуткого к народной правде и наполненного любовью ко Христу сердца.

Выводы. Ориентируясь на новозаветные истины, согласно которым сердце есть вместилище Благодати, и труды великих русских богословов, понимающих сердечную веру как самый безошибочный способ богопознания, Ф.М. Достоевский представил в «Дневнике писателя» своеобразную «антологию» народного кардиоанализа; указал на животворящую силу сердца, способную не только восстановить помраченный Образ Божий в согре-

¹ Сочетание «Фома Данилов», по замечанию С.Г. Сизова, указывает на имя и отчество героя-мученика, носящего фамилию «Лотарёв» [17].

шившем «Власе», но и открыть для простого крестьянского сына стезю духовного богатырства – служения Богу в широком смысле. Вклад Ф.М. Достоевского в историю русской «философии сердца» неоченим: его размышления о вере русского народа, художественно аранжированные в малой прозе «Дневника писателя» и больших романах Великого Пятикнижия, вдохновляли и вдохновляют последователей на дополнение сложившейся интеллектуальной традиции кардиогнозиса.

Список источников

1. Шамигулин В.И. Заметки о социальных проблемах культуры и русской философии // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 151–155.
2. Буланов А.М. Святоотеческая традиция понимания «сердца» в творчестве Ф.М. Достоевского // Христианская и русская литература. 1994. Т. 1. С. 270–306.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
4. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск : Издатель Д.В. Харченко, 2007. 311 с.
5. Михнюкевич В.А. «Константинополь должен быть наш!» // Челябинский гуманитарий. 2010. № 4(13). С. 32–44.
6. Буланов А.М. Жизнь сердца в творчестве Достоевского // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 27–29.
7. Кирпотин В.Я. Достоевский – художник. М. : Сов. писатель, 1972. 320 с.
8. Капустина С.В. Концепты «беспорядок» и «богатырство» в творчестве Ф.М. Достоевского и традиция Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014. 24 с.
9. Капустина С.В. Феномен богатырства в трактовке Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 233–243.
10. Борисова В.В. Фабула богатырского противоборства в русской словесности: от «Сказания о Мамаевом побоище» до «Судьбы человека» М.А. Шолохова // Проблемы исторической поэтики. 2020. № 3. С. 47–60.
11. Чуйков П.Л. Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский о богатырстве, учении Христовом и европейской цивилизации // Русская речь. 2018. № 2. С. 65–72.
12. Захарова О.В. Концепция былины у Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 271–286.
13. Кантор В.К. «Судить Божью Тварь». Пророческий пафос Достоевского. М. : РОССПЭН, 2010. 422 с.
14. Иоанн (Снычев). Духовные основы русского богатырства // Русская симфония. СПб. : Царское дело, 2001. С. 37–47.
15. Галаган Г.Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф.М. Достоевского (1873–1876) // Материалы и исследования. СПб. : Наука, 1996. Т. 12. С. 99–108.
16. Капустина С.В. Концепт «богатырство» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вопросы русской литературы. 2012. Вып. 21 (78). С. 60–77.
17. Сизов С.Г. «Я дал клятву и изменять... не буду» // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 63–65.
18. Артамонова Л.А. Заметка Достоевского о Фоме Данилове // Русская словесность в мировом культурном контексте. Доклады и тезисы. М. : Фонд Достоевского, 2014. С. 236–237.

References

1. Shamshurin, V.I. (1995) Zаметki o sotsial'nykh problemakh kul'tury i russkoy filosofii [Notes on the social problems of culture and Russian philosophy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 151–155.
2. Bulanov, A.M. (1994) Svyatootecheskaya traditsiya ponimaniya “serdtsa” v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The patristic tradition of understanding the “heart” in the works by F.M. Dostoevsky]. *Khristianskaya i russkaya literatura*. 1. pp. 270–306.
3. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.
4. Iustin (Popovich). (2007) *Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky’s Philosophy and Religion]. Minsk: D.V. Kharchenko.

5. Mikhnyukevich, V.A. (2010) "Konstantinopol' dolzhen byt' nash!" ["Constantinople must be ours!"]. *Chelyabinskii gumanitarniy – The Chelyabinsk Humanitarian Journal*. 4(13). pp. 32–44
6. Bulanov, A.M. (2002) Zhizn' serdtsa v tvorchestve Dostoevskogo [The life of the heart in the work by Dostoevsky]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 16. pp. 27–29.
7. Kirpotin, V.Ya. (1972) *Dostoevskiy – khudozhnik* [Dostoevsky is an artist]. Moscow: Sov. pisatel'.
8. Kapustina, S.V. (2014) *Kontsepty "besporyadok" i "bogatyristvo" v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i traditsiya N. V. Gogolya* [The concepts of "disorder" and "heroism" in the works by F.M. Dostoevsky and the tradition of N.V. Gogol]. Abstract of Philology Cand. Diss. Simferopol.
9. Kapustina, S.V. (2014) The phenomenon of 'bogatyristvo' in N.V. Gogol's and F.M. Dostoevsky's interpretation. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 12. pp. 233–243. (In Russian).
10. Borisova, V.V. (2020) The heroic confrontation storyline in Russian literature: from the Legend of the Slaughter of Mamai to The Fate of a Man by Mikhail Sholokhov. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 3. pp. 47–60. (In Russian).
11. Chuykov, P.L. (2018) N.V. Gogol' i F.M. Dostoevskiy o bogatyristve, uchenii Khristovom i evropeyskoy tsivilizatsii [N.V. Gogol and F.M. Dostoevsky about bogatyristvo, the teachings of Christ and European civilization]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 2. pp. 65–72.
12. Zakharova, O.V. (2015) Dostoevsky's conception of the bylina. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 13. pp. 271–286. (In Russian).
13. Kantor, V.K. (2010) "Sudit' Bozh'yu Tvar'". *Prorocheskiy pafos Dostoevskogo* ["Judge God's Creature." Dostoevsky's Prophetic Pathos]. Moscow: ROSSPEN.
14. Ioann (Snychev). (2001) *Russkaya simfoniya* [Russian Symphony]. St. Petersburg: Tsarskoe delo. pp. 37–47.
15. Galagan, G.Ya. (1996) Problema "luchshikh lyudey" v nasledii F.M. Dostoevskogo (1873–1876) [The problem of "the best people" in the legacy of F.M. Dostoevsky (1873–1876)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Materialy i issledovaniya* [Materials and Research]. Vol. 12. St. Petersburg: Nauka. pp. 99–108.
16. Kapustina, S.V. (2012) Kontsept "bogatyristvo" v "Dnevnikе pisatelya" F.M. Dostoevskogo [The concept of "bogatyristvo" in the "A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky]. *Voprosy russkoy literatury*. 21(78). pp. 60–77.
17. Sizov, S.G. (2012) "Ya dal klyatvu i izmenyat'... ne budu" ["I swore an oath and I won't betray ..."]. *Voенно-istoricheskiiy zhurnal*. 11. pp. 63–65.
18. Artamonova, L.A. (2014) Zametka Dostoevskogo o Fome Danilove [Dostoevsky's note about Foma Danilov]. In: Volgin, I.L. (ed.) *Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste* [Russian Literature in the World Cultural Context]. Moscow: Fond Dostoevskogo. pp. 236–237.

Сведения об авторе:

Капустина С.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского» (Симферополь). E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kapustina S.V. – Crimean Federal V. I. Vernadsky University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.

The article was submitted 01.12.2021;
approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 15.05.2022.